

шим великим духовным подъемам угрожали великие эпидемии.

И мы здорово боялись, как бы все это не обернулось для нас скверно.

Поэтому-то нас манила жизнь малоимущих.

Помню, в те времена мы много тусовались. Бывали дождливые вечера, когда друзья приходили и уходили. Иногда бывали вечеринки — и девушки, дышавшие полной грудью. Было отчетливо видно, как воздух попадает в их легкие, распирает грудь и выходит через ноздри. Была мода на клетчатые рубашки и мода на постмодернистский нигилизм. В гостиной была ваза с тюльпанами, а на столе — разделочная доска с толсто нарезанной колбасой.

В общем, жаловаться было не на что.

И был такой Марк Маронье.

Марк Маронье был ростом 1,84. Марк Маронье весь день напролет жевал желтые конфетки-малабары. Марк Маронье просыпался в полдень. Марк Маронье по четным дням влюблялся, а по нечетным жаждал умереть. Марк Маронье деликат-

но макал спаржу в специально для этого предназначенный соус из взбитых сливок. Марк Маронье душился ароматом «Жики» от Герлен и ежедневно начищал ботинки. Марк Маронье читал Ромена Гари и Сан-Антонио. Марк Маронье совершал поездки в Индию и Швейцарию. Марк Маронье пил с приятелями виски, а с девушками бордо. Марк Маронье танцевал чарльстон на кровати. Марк Маронье изображал из себя денди, но не мог удержаться, чтобы при всем честном народе не поковырять пальцем в носу.

Марк Маронье обожал реки, протекающие через большие города: Темзу, Волгу, Рону, Дунай, Бьевр. Марк Маронье безостановочно рассказывал о своей кошке. Марк Маронье слушал рэп. Марк Маронье говорил, что ненавидит китч, но частенько находил прибежище во вторичности. Марк Маронье никогда не мог поймать такси и всегда опаздывал на встречи. Марк Маронье был невыносим.

Марк Маронье ездил по святым местам: Сен-Жан-де-Люз, Сан-Доминго, Сен-Вандрий. И в этом не было ничего католического. Марк Маронье не был столь

религиозен. Он даже не знал, правый он или левый. Он писал правые статьи в левые газеты и наоборот. Может, Марк Маронье был предателем. Его инициалы означали марку драже, которые тают во рту, а не в руках.

Марк Маронье любил всех на свете.

Марк Маронье обладал отвратной физиономией.

Уж я-то знаю, потому что Марк Маронье — это я.

Да, меня зовут Марк Маронье, как дерево. Мне 24, время — 2 часа 10 минут пополуночи. Цифры и буквы — вся жизнь человека сводится к ним. Жизнь — это череда телевизионных игр: сперва «Поле чудес», потом «Колесо фортуны», а затем, если все складывается удачно, «Кто хочет выиграть миллион?».

Итак, мой рост 1,84 метра при весе 58 кило; можете себе представить, какой я худой. По сравнению со мной любой боксер полуплегкого веса — просто борец сумо. В обнаженном виде я вызываю в людях сострадание и жалость. Мои кости

видны столь же отчетливо, как на скелете с медицинского факультета. Тем не менее я много ем. Похоже, дело тут в усвояемости пищи. Но вряд ли мне пристало на это жаловаться: рахитизм сейчас в моде, и я пользуюсь этим вовсю.

Что касается моего лица, то оно более необычно. Так уж вышло, что у меня два носа: один, как у большинства людей, расположен надо ртом посредине моего лица; если не считать его бержераковских размеров, в остальном, надо признать, он весьма банален. Оригинальность придает мне второй нос. Он находится у меня под нижней губой в том месте, где у нормальных людей подбородок, независимо от того, волевой он или скошенный. Этот второй нос, едва не давший название сему труду (я немало вдохновлен творением Симоны де Бовуар), не что иное, как подбородок, в просторечии называемый «выдающийся». То есть разновидность моего носа можно определить как «Canada Dry»: он имеет форму носа, цвет носа, но не дышит, лишен ноздрей, а стало быть, редко бывает соплив. По

правде говоря, этот весьма выдающийся подбородок совершенно бесполезен. Он не мешает, но и не дает преимуществ. Я не получаю от него никакой практической выгоды. Это самая ненужная часть моего тела вместе с мизинцами ног. И все же я ни за что на свете с ним не расстанусь. Вспомните опять же Сирано: «Еще прекрасней это, коль бесцельно» (последний акт). Эта фраза Ростана частенько служила мне аргументом против пластических хирургов, которые охотно принимали мой нос за поле эксперимента для своих скальпелей.

Возможно, с возрастом мои два носа будут иметь тенденцию к взаимному сближению, подчеркивая, таким образом, мою хмурую натуру, которую я усердно стараюсь гнать в три шеи. Одна из наисерьезнейших проблем, которые меня беспокоят в жизни: встретятся ли в конце концов мой нос и подбородок? Есть люди, которые ужасно боятся смерти, Бога или вылета марсельского «Олимпика» из полуфинала Кубка Европы. Я просто смеюсь над ними! Мой личный саспенс гораздо